

ПРОИГРАННЫЙ ИГРОК

По сообщению "Daily Telegraf", мистер Эдуард Пемброк скончался в зале Гастингского Шахматного Клуба тринадцатого октября 19... года, в пять часов вечера, во время четвёртого сеанса игры Международного Шахматного Турнира. В одном из некрологов, помещённом, если не ошибаюсь, в "Эдинбургском Обозрении", мистер Пемброк характеризуется как "энергичный общественный деятель, перед которым некогда развернулась было многообещающая политическая карьера, оставленная им, однако, ради шахмат". Покойный, заканчивает "Обозрение", "променял широкую арену политической борьбы на квадрат шахматной доски -- ушёл от поступков к ходам" (курсив мой).

Смерть наступила мгновенно. Покойному было пятьдесят три года. Врачи затруднились определить причину смерти.

Однако для тех, кто близко знал мистера Эдуарда Пемброка, дело объясняется чрезвычайно просто: смерть Пемброка была его последним, правда, несколько неожиданным ходом в партии, кстати, начатой не в четыре тридцать вечера 19... года, как сообщает шахматный бюллетень, а несколько раньше... Впрочем, игра покойного, как это уже отмечалось в специальных органах, всегда отличалась некоторым своеобразием и уклоном в парадокс.

История мистера Пемброка -- в знаках доски -- рассказывается так:

1. e2 -- e4, e7 -- e5;
2. Kg -- f3, Kb8 -- c6;
3. d2 -- d4, e5 : d4;
4. ?..

В символах же меньшей ёмкости, то есть в так называемых "словах", она звучит иначе:

Ход I. e2 -- e4, e7 -- e5.

Их было двадцать. Симметрично рассаженные по обе стороны длинного и узкого стола, все двадцать думали. И подошвы их ног, прижатые к светлым и темным, темным и светлым квадратам паркета, и зрачки их глаз, притянутые к темным и светлым, светлым и темным квадратикам шахматных досок, -- не двигались.

Длинный и узкий стол с игроками и крохотными, поблескивающими черным и белым лаком резными фигурками, был вдет, как в футляр, в длинный и узкий зал с узкими же прямоугольными прорезями окон.

Изредка, забелев манжетой, поднималась над столом, -- то там, то здесь, -- рука и беззвучно передвигала деревяшку:

Ход II. Kg1 -- f3, ...

Мистеру Пемброку, сидевшему среди фигур, склонённых над фигурками, и игравшему у длинного стола свою партию чёрными, было не по себе.

Делая первый ход, он глянул за прозрачный прямоугольник из стекла: изящный, из сплетения голых ветвей, сад. Было похоже, будто кто-то развернул и притиснул к матовым мерцаниям стекла план огромного фантастического города -- паутину спутанных и пересекавшихся улочек, улиц, переулков и тупичков.

Не игралось. Предчувствие чего-то давно уже ищущего быть найденным, неизбежной и близкой встречи с каким-то бродячим фантазмом, заблудившимся, быть может, здесь, в этих чёрных по красному улочкам несуществующего города, вычерченного игрою закоренных ветвей, тревожило мозг.

-- Это от сумерек, -- подумал мистер Пемброк и привычным движением протянул руку к доске:

..., Kb8 -- c6.

Но сумерки -- пока -- были заняты другим: не позванные никем, неслышно войдя в зал игры, они сначала осторожно перетрогали у всех вещей их углы, очертания и грани. Тихо прижимая серые пальцы к выступам подоконника, к углам стола и извилистым линиям фигур и фигурок, сумерки пробовали их расшатать. Но вещи, сомкнув свои грани, линии и углы, не давались. Тогда